

УДК 1; 13:130.2

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-3-3-38-45

**КРИЗИС ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ: МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ**© *Ткачев Валерий Сыроевич*

доктор философских наук, профессор,
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: vl201548@yandex.ru

© *Суранова Елена Михайловна*

аспирант,
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: dmitrieva-l@mail.ru

Статья посвящена особенностям кризиса духовной культуры. Доказывается, что научное содержание термина остается недостаточно проработанным, хотя количество работ по данной теме увеличивается в геометрической прогрессии. Подчеркивается, что сама по себе духовная культура является производством мышления человека средствами науки, литературы, искусства и философии, но как исторический процесс представляет собой бесконечную смену культурных форм, при этом каждая из форм некогда зарождается, достигает расцвета и умирает, вытесняется другими культурными формами. В статье акцентируется внимание на том, что кризисы духовных культур представляют собой сложные, исторически обусловленные процессы, неизбежно появляющиеся в социокультурном пространстве общества. Они возникают, когда потенциал прежней культурной формы еще не до конца исчерпан, а борьба за будущую ее форму только намечается, но сами кризисы занимают лишь небольшую часть этого процесса и потому имеют вид краткосрочных нарушений и исправлений естественного хода вещей. Отмечается, что в периоды кризисов складывается особый тип индивидуального и родового сознания, последний наиболее полно являет себя в духовной культуре, он привязывает культуру к стадиям развития кризиса, замедляя и утяжеляя ее работу, и сращивает осмысление кризисов с использованием возможностей рационалистического и иррационального мышления.

Ключевые слова: определение кризиса; кризис; кризис культуры; кризис духовной культуры; кризис материальной культуры; причины кризисов; стадии кризиса; возможности рационалистического мышления; возможности иррационального мышления; кризис в изобразительном искусстве; кризис в драматургическом произведении; индивидуальное мышление; родовое сознание.

Только далекий от жизни человек не использует теперь понятие «кризис». Оно охватило своим влиянием массовую и высокую культуру, освоило страницы публицистических изданий, отвоевало пространство в научных журналах. Между тем «кризис» — понятие по историческим меркам молодое, а по научным критериям и вовсе не определенное, оно скрывает в себе

множество проблем, осмысление которых считается делом трудным, и все это по причинам объективным, вытекающим из сложности самого предмета.

Как явление кризис оказался весьма живучим, со временем обрел способность видоизменяться, совершенствоваться и мимикрировать в разные области человеческой жизни.

Так, если в XIX в. он паразитировал на производстве товаров, затем перекочевал в сферу их обмена, распределения и потребления, то в первой половине XX в. распространился и на духовную культуру общества. Как болезнетворный вирус, он захватил в орбиту литературу и искусство, науку и философию и через это явил признаки своей всеобщности. Он обнаружил, что кризисы материальных и духовных культур, во-первых, имели место не только в XIX–XX вв., как думалось прежде, но и значительно раньше — в обществах Древнего и Средневекового мира; во-вторых, генетически модифицировались — изменяли содержание и форму, не имея четких границ, взаимодействовали друг с другом [1, с. 14] и варьировали сроки своего существования; в-третьих, будучи сокрушителями культур, сами же формировали очаги их оживления и подъема.

Все это привело к мысли, что причину кризисов надо искать в фундаменте самой жизни, что некоторые свойства кризисов чрезвычайно опасны для существования культур, но надо пробовать ими управлять, а чтобы управлять — тщательно их изучить и на этой основе создать адекватные понятия [2, с. 50].

В научной литературе даются всевозможные трактовки кризисов культуры.

«Кризис культуры, — пишет К. М. Хоруженко, — культурологическое понятие, фиксирующее ситуацию, возникающую в результате разрыва между культурой со всеми ее институтами и структурами и резко изменившимися условиями общественной жизни» [3, с. 224–225].

Определение достаточно емкое, и тем не менее с ним трудно согласиться.

Всякая культура, как и отдельные ее сегменты, претерпевает ряд качественных изменений, они совершаются, как правило, в одной последовательности — когда-то появляются, достигают расцвета и отмирают, подготавливая условия для утверждения будущих форм.

Естественно, что эти изменения совершаются неодинаково. Одно дело, если они касаются развития отдельного человека, а другое — социума в целом. Видоизменяясь, человек использует возможности персонального мышления: он осмысленно учится, получает профессию, повышает квалификацию и выстраивает линию карьерного роста. Собственно, по такому же сценарию развивается и социум. Правда, в отличие от человека, социум употребляет ресурсы родового мышления, и следующая его ступень оказывается неизбежным результатом не единичной, а совместной деятельности людей.

Как видим, качественные переходы происходят на разных уровнях общественной жизни, и везде задействуется человеческое мышление, но ресурсы этого мышления существенно отличаются.

Можно ли такие переходы назвать «кризисами»?

Каждый творческий человек испытывал т. н. муки творчества и через это видоизменял себя; в любой капиталистической стране мелкие предприятия

поглощались крупными, в результате происходила концентрация и централизация капитала и, как следствие, совершенствовался механизм использования рабочей силы. Но эти изменения были количественными, они совершались на основе частной собственности и не отменяли ни классов общества, ни их взаимоотношений. Естественно, со временем эти изменения перерастали в качественные, что требовало перехода к более высокому уровню обобществления или ликвидации частной собственности, как это произошло в ряде стран на рубеже XIX–XX вв.

Однако на языке философии такие превращения не подходят под категорию кризиса. Они являются показателем поворота в развитии общественной жизни, может быть, скачка или меры, благодаря чему это развитие обретает характер импульсивного, прерывистого, скачкообразного перехода, но их нельзя назвать кризисами ни применительно к отдельному человеку, ни применительно к социуму.

Кризисы — не скачок, не мера, и даже не противоречие.

Скачок — сам переход количественных изменений в качественные; мера же указывает на предел, за которым изменение в количестве влечет за собой изменение в качестве, она является своего рода зоной, внутри которой данное качество может модифицироваться, сохраняя свои характеристики.

Кризис, на наш взгляд, — нечто другое, чем скачок, мера и противоречие. Он, скорее всего, нарушение естественного хода вещей.

Об этом, кстати, догадывались еще в Древней Греции. Так, глагол «κρίνειν» обозначал у них состояние жизни, которое требует проверять, выбирать, решаться. В этом значении они и использовали понятие кризиса в исторической концепции Фукидида (ок. 460–400 до н. э.), в драматургии Аристотеля (384–322 до н. э.) и в клинической концепции Гиппократов (460–370 гг. до н. э.), где врачи трактовали кризис как решающую стадию болезни, ее переломный момент, после которого в состоянии больного происходят существенные изменения.

Но это еще не все.

Некоторые исследователи привязывают термин «кризис» к значению слов «быстрый перелом», «острая и короткая фаза переходного состояния». Возможно, за значением таких слов они видят их заимствованность: мало того, что эти словосочетания пришли из немецкого языка, они еще появились в русском языке в XVIII в., в определенном контексте, в ответ на необходимость рассмотрения кризиса как средства быстрого отсеивания, очищения, искупления вины перед прошлой жизнью [4, с. 42].

Вспомним хотя бы масонов.

Масоны встали в оппозиционное отношение, с одной стороны, к официальной церкви, объединившейся с государством, а с другой — к государственной форме дворянского разума, опиравшегося на французское просвещение. По их мнению, официальная церковь «обезобразила христианское учение, переориентировав его на формирование человека внутренне слабого, поглощенного заботами повседневной действительности», и через это потеряла «статус подлинной ценности», а «разум — всего лишь “грунт” ве-

ры, низшая ступень духовного просветления» и потому он «не может выполнить функцию духовного путеводителя человека» [5, с. 58–59]. Однако жизнь, по мнению масонов, должна продолжаться, а в качестве ростка должно быть использовано то, что существовало в потенции, было скрыто в прежнем ее состоянии, — идея надгосударственного христианства, с одной стороны, и идея индивидуума, избавившегося от первородного греха словно-государственнического сознания дворян, — с другой.

В данном контексте кризис обретает значение не просто нарушения естественного хода вещей, а нарушения быстрого, включающего в себя моменты отсеивания, очищения, искупления вины, т. е. отказа от старого и формирования нового. С учетом замеченного будет неверным, на наш взгляд, считать, что кризис — это только опасность для существования культуры. Можно, конечно, доказывать, что кризис — опасность, но неправильно сводить его только к опасности: кто ищет в кризисе опасность — найдет ее, а кто ищет в нем отказ от старого и очищение от негодного — найдет и это. Следовательно, феномен кризиса содержит в себе и краткосрочное нарушение естественного хода вещей, и краткосрочное его исправление, развертывание признаков, обеспечивающих основу будущего развития. Как смерть не может оставить на лице мертвого человека выражения улыбки, страха или негодования, так и кризис не может ограничить свое присутствие в культуре обозначением нагрянувшего зла. В этом смысле кризис есть и «нарушение прежнего равновесия, и в то же время переход к новому равновесию» [6, с. 10–11].

Позже греков, но в том же значении термин «кризис» употреблялся, на наш взгляд, и К. Марксом.

«Ясно, во всяком случае, — писал он, — следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в течение которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного подъема, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» [7, с. 208].

Выходит, кризис в экономике — не просто функционирование экономической жизни в условиях исчерпания ресурсов ее конкретной формы, а краткосрочное ухудшение этого функционирования (например, неожиданное и резкое появление отраслевой диспропорции, перепроизводства товаров или денег), продолжающееся вплоть до стадии оздоровления (до ликвидации отраслевой диспропорции, перепроизводства товаров или денег). И это понятно.

Из истории материального производства известно, что положение его отраслей меняется преимущественно в послекризисный период, но перетряска

их основ начинается раньше, в момент самого кризиса. Правда, эта перетряска существует лишь в виде возможности, не имеющей сил стать действительностью, но именно то, что эта возможность уже есть, хотя не может превратиться в действительность, и выглядит как точечное оживление, которое спустя время трансформируется в то, что станет исходным пунктом модернизации старых и новых отраслей.

Собственно, то же самое происходит и в сегментах духовной культуры.

Например, кризис в изобразительном искусстве — не функционирование искусства в условиях исчерпания ресурсов его конкретно-исторической формы, а внезапное и краткосрочное ухудшение этого процесса вплоть до стадии оздоровления, до поворота искусства в лучшую сторону. Вопрос лишь в том, что понятие худшей и лучшей стороны имеет относительный характер. Поэтому при осмыслении кризиса можно встретиться с парадоксальной ситуацией: в одном случае будет идти речь, например, о вынужденном переезде иконописцев XVII–XVIII вв. в провинциальные районы, о потере спроса на старообрядческие иконы, выполненные по канонам Андрея Рублева (1360–1428), продолжающийся вплоть до полного утверждения господства иконописцев нового типа и нарастания спроса на новообрядческие иконы, выполненные по канонам Симона Ушакова (1626–1686); в другом же случае под худшей и лучшей стороной будут пониматься события, прямо противоположные по смыслу, связанные с потерей спроса уже на новообрядческие иконы, выполненные по канонам Симона Ушакова, события, происходящие вплоть до восстановления спроса на старообрядческие иконы, выполненные по канонам Андрея Рублева.

Небезынтересно заметить, что по такому же плану выстраивается образ кризиса в драматургическом произведении. Любая драма развивается через наращивание конфликта, но сам кризис занимает лишь небольшую часть всей драмы: кризис начинается там, где герой неожиданно (по визуальному ряду) получает возможность совершить финальный поступок, а завершается в том краткосрочном пункте драмы, где основная тема «безоговорочно побеждает контртемю» [8, с. 305].

И это еще не все.

Мы уже отмечали, что кризис есть внезапное и краткосрочное нарушение и исправление естественного хода вещей, теперь лишь добавим, что он является еще и процессом, а всякий процесс имеет длительность.

В клинической концепции Гипократа (460–370 гг. до н.э.) кризис трактовался как процесс болезни, длящийся до стадии лизиса, т. е. до ее постепенного разрешения. Известно, что экономические кризисы совершаются в течение одного-двух лет. И это понятно. Ведь оживление отраслей материального производства становится возможным благодаря резкому сокращению периодов обращения капитала и, как следствие, быстрого его накопления и очередного вколачивания в точки роста (деньги вкладываются лишь в то, что моментально приносит прибыль!).

Но кризисы духовной культуры имеют свои особенности, и благодаря им они могут охватывать более значительные промежутки времени.

Собственно, оживление отраслей духовного производства совершается по той же схеме, что в материальном производстве. Капитал и здесь становится на путь сокращения периодов оборота, и тут он вкладывает деньги лишь в то, что быстрее приносит прибыль. Именно по этой причине в периоды кризисов начинается трудная жизнь у фундаментальных наук, классических форм искусства и у философских школ, опирающихся на диалектический метод [9, с. 20–35], и, напротив, такая сравнительно легкая жизнь у прикладных наук, у метафизических школ философии и у форм неклассического искусства.

Однако только этим духовные кризисы не ограничиваются.

В периоды кризисов складывается особый тип общественного сознания. В нем кардинальной перестройке подвергаются и индивидуальное, и родовое сознание. Но отдельный человек нацеливается на спасение собственной жизни, и потому функционирование его мышления неизбежно ускоряется, оно начинает обращаться практически так же быстро, как быстро совершает свои обороты торговый капитал в сравнении с промышленным. Социум же направляет свою деятельность на сохранение жизни общества в целом, он сосредоточивает свое внимание на родовом сознании, а последнее предельно выражает себя в духовной культуре. Поэтому вопрос о целостности родового сознания становится для культуры настолько же важным, насколько важна для отдельного человека целостность его собственной жизни.

Однако родовое сознание внутренне противоречиво. Оно опирается на противоположные типы мышления, на рационализм и иррационализм, а эти стороны, как известно, не существуют отдельно друг от друга. Они взаимно проникают друг в друга, порождают и отвергают друг друга, и через это превращаются в источник саморазвития родового сознания. В свою очередь, рационализм и иррационализм имеют свои структурные уровни, и в силу того, что эти уровни тесно связаны и переплетены друг с другом, духовная культура оказывается перед родовым сознанием, которое выражает дух одновременно и конкретно-исторической формы социума, и социума вообще. При этом родовое сознание привязывает культуру к стадиям развития кризиса, а это сильно замедляет и утяжеляет ее работу, удлиняет время протекания кризисов и теснее сращивает их осмысление с традициями рационализма и иррационализма.

Когда сознание социума складывается в период точечного оживления духовной культуры, оно интуитивно тяготеет к использованию возможностей рационалистического мышления. Конечно, в этот момент оно находится в состоянии глубокого кризиса и выглядит как возможность, не имеющая сил стать действительностью, но при этом сохраняется надежда, что в рационалистическом мышлении скрыты ростки будущего родового сознания, если оно избавится, как бы сказали масоны, «от первородного греха», т. е. от прежней формы рационализма.

Когда же сознание социума формируется в условиях крайней неустойчивости культуры, в минуты опасности для ее существования, оно кардинально меняет направленность своей эволюции и начинает интуитивно тяготеть

к использованию возможностей иррационального мышления. В такие периоды его носители не могут не признать факта, что иррациональное мышление находится в состоянии кризиса, но вместе с тем не теряют надежды на перспективу. Они полагают, что хотя это мышление и имеет вид возможности, не имеющей сил стать действительностью, но потенциально в нем содержатся ростки будущего родового сознания, остается лишь избавиться от недостатков прежней формы иррационализма.

Естественно, что история подобных тяготений сознания невероятно запутана. В ней обнаруживается множество их различных комбинаций, в том числе и таких, в которых дело не обошлось без крайностей. Из истории известно, что победа рационалистических устремлений никогда не была простой, и когда это случалось, она зачастую перерастала в прямое и грубое обожествление возможностей разума и, следовательно, науки [10, с. 5], но такой же непростой была победа иррационалистических установок, и минуты их торжества частенько превращались в неоправданное временем обожествление разнообразных форм веры, чувства и мистики.

Из всего сказанного можно сделать четыре вывода.

1. О кризисах написано много, и количество соответствующих работ по данной теме нарастает, но при всем том научное содержание термина остается мало проработанным.

2. Духовная культура — производство мышления человека средствами науки, литературы, искусства и философии, но как исторический процесс она представляет собой бесконечную смену культурных форм, при этом каждая из форм некогда зарождается, достигает расцвета и умирает, вытесняется другими культурными формами.

3. Кризисы духовных культур представляют собой сложные, исторически обусловленные процессы, неизбежно возникающие в социокультурном пространстве общества. Они возникают, когда потенциал прежней культурной формы еще не до конца исчерпан, а борьба за будущую форму лишь только намечается, но сами кризисы занимают лишь небольшую часть этого процесса и потому имеют вид краткосрочных нарушений и исправлений естественного хода вещей.

4. В периоды кризисов складывается особый тип индивидуального и родового сознания, последний наиболее полно являет себя в духовной культуре, он привязывает культуру к стадиям развития кризиса, замедляет и утяжеляет ее работу, срывает осмысление кризисов с использованием возможностей рационалистического и иррационального мышления.

Литература

1. Бажутин А. С. Концептуальные и методологические основы определения понятия кризиса // Вестник Удмуртского университета. 2008. Экономика и право. Вып. 2. С. 5–17.
2. Порфирьев Б. Н. Современные концепции кризисов и принятие управленческих решений // Российский экономический журн. 2004. № 4. С. 37–50.
3. Хоруженко К. М. Кризис культуры // Культурология: энциклопедический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 640 с.
4. Никитаев В. В. Проблема «культура и цивилизация» в контексте современности // Культурология. 1997. № 2–3. С. 42.

5. Ткачев В. С. Идеалы русской интеллигенции. Сравнительный анализ общественной мысли России XVIII — нач. XX в. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. 232 с.
6. Лапин Н. И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. № 1. С. 10–11.
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. Кн. II. Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М. : Политическая лит-ра, 1961. Т. 24. 648 с.
8. Митта А. Н. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Курасаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому. М.: АСТ, 2017. 496 с.
9. Бузгалин А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 20–35.
10. Давыдов Ю. Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории // История теоретической социологии: в 4 т. М.: Канон+, Реабилитация, 2002. Т. 3. 448 с.

CRISIS OF SPIRITUAL CULTURE: THE RESEARCH METHODOLOGY

Valeriy S. Tkachev
Cand. Sci. (Philosophy), Prof.,
Baikal State University,
11 Lenina St., Irkutsk 664003, Russia
E-mail: vl201548@yandex.ru

Elena M. Suranova
Research Assistant,
Baikal State University,
11 Lenina St., Irkutsk 664003, Russia
E-mail: dmitrieva-l@mail.ru

The article is devoted to the specific aspects of the crisis of spiritual culture. It is proved that the scientific content of the term remains insufficiently studied, although the number of works on this problem is increasing. We emphasize that the very spiritual culture is a production of human thinking by means of science, literature, art and philosophy, but as a historical process it represents endless changes of cultural forms: each form once arises, flourishes and dies, than it is replaced by other cultural forms. The article focuses on the fact that crises of spiritual cultures are complex, historically determined processes, which inevitably appear in sociocultural space of society. They arise when the previous cultural form is not yet exhausted its potential, and the struggle for its future form is only planned. Crises are only a small part of this process and therefore have a form of short-term violations and corrections of the course of nature. It is noted that during crises a special type of individual and ancestral consciousness has been formed, which is most in evidence in spiritual culture. It links culture to the stages of crisis development, slowing down and burdening its work, and merges crises perception with the use of rational and irrational thinking possibilities.

Keywords: the definition of crisis; crisis; the crisis of culture; the crisis of spiritual culture; the crisis of material culture; causes of crises; stages of crisis; crisis in the fine arts; crisis in the dramatic work; the possibilities of rational thinking; the possibilities of irrational thinking; individual thinking; ancestral consciousness.